

В. Л. ВИНОГРАДОВА

Повесть о Горе-Злочастии¹

(Библиография)

В 1956 году исполняется 100 лет со времени открытия А. Н. Пыпиным списка одного из интереснейших произведений древнерусской литературы — «Повести о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин».

Предлагаемая библиография ставит перед собой задачу дать аннотированный список изданий текста повести и посвященных ей исследований за прошедшее столетие и наметить круг вопросов и проблем в изучении этого произведения древнерусской литературы, которые требуют своего разрешения.

Повесть о Горе-Злочастии сразу же привлекла внимание ученых своей самобытностью и оригинальностью. Уже в год открытия этого произведения (1856) появилось два издания текста повести: И. И. Срезневского (1)² и Н. И. Костомарова (2). В течение XIX столетия текст Повести издавался еще несколько раз. В 70-е годы это произведение вошло уже в курсы русской словесности для средних учебных заведений. В 1903 году П. К. Симони (9) фототипически воспроизвел ее список. В 1907 году он повторил снова более тщательно фототипическое издание Повести, которое до сих пор по праву считается самым лучшим изданием памятника (11).

Повышенный историко-литературный интерес исследователей к Повести о Горе-Злочастии можно объяснить оригинальными чертами ее формы и содержания. Повесть оригинальна уже по своей тематике как первое русское художественное произведение, которое изображает судьбу обыкновенного человека Московской Руси XVII века. Эпоха XVII века была переломным периодом, когда в старом обществе пробивало ростки новое демократическое начало, поднимали голову посадские слои населения, вступая в противоречие с старозаветными нормами человеческого поведения, продиктованными Домостроем. Эта борьба старого и нового отразилась и на русской культуре XVII века, в частности на языке и литературе, и повела к большей демократизации их. Героем Повести о Горе-Злочастии, как и ряда других произведений того времени, является не святой подвижник, не национальный герой, не человек, облеченный властью, а безвестный молодец торговой части посада. С другой стороны, именно следствием переломной эпохи XVII века явилась двойственность Повести о Горе-Злочастии не только в содержании, в трактовке образов, но и в форме.

¹ В библиографию не включены издания и работы узко учебного и популярного характера.

² См. порядковый номер библиографии и именной указатель.

Двойственность содержания и формы памятника послужила причиной многочисленных научных споров, которые не затихают уже целое столетие. Основные спорные вопросы были поставлены и предположительно решены первыми исследователями Повести — Н. И. Костомаровым, А. Н. Пыпиным, Ф. И. Буслаевым. Остальные ученые в большинстве случаев лишь развивали ту или иную гипотезу. В истории изучения Повести можно с очевидностью наметить два периода: дореволюционный и советский. Каждый из названных периодов имеет в этом отношении свою специфику, задачи, успехи. Чтобы понять особенности дореволюционного и советского времени в деле изучения Повести о Горе-Злочастии, следует остановиться на обзоре основных вех, по которым пошло исследование.

Основными вопросами изучения Повести о Горе-Злочастии, намеченными первыми исследователями, были следующие: форма Повести, жанровая природа ее, содержание, трактовка образов — доброго молодца и Горя-Злочастия, идея памятника, композиция, вопрос о влияниях; в советскую эпоху началось изучение стиля и языка этого произведения.

Первому исследователю только что открытого памятника Костомарову прежде всего бросилось в глаза своеобразие его формы. Хотя список был написан прозой, однако она легко поддавалась разложению на стихи былинного размера. Костомаров, разбив Повесть на стихи, приобщил ее по форме к былинам, правда, с оговоркой, что по содержанию она представляет собой совершенно оригинальное явление (17). Впоследствии принадлежность к былинам Повести подтвердил Ф. Корш своими конъектурами о ритмике и метрике ее (см. изд. Симони 1907 г.). Повесть не была, однако, однородной. Двойственность ее, о которой говорилось выше, прежде всего сказалась на форме. Повесть начиналась и кончалась совсем иначе, чем былина: рассказу о судьбе доброго молодца предшествовало вступление о грехопадении Адама и Евы, с некоторым отступлением от Библии (замена запретного плода — яблока — на «плод виноградный»); кончалась Повесть тоже на церковно-книжном манер: обращение к богу с молитвой об избавлении от вечной муки и даровании рая. Все это навело другого исследователя — Буслаева — на мысль о близости Повести к духовным стихам (20). Впоследствии эти две точки зрения о жанровой природе произведения находили отражение у ряда ученых. В. Ф. Миллер посвятил в 1896 году целую работу о близости Повести к былине об Иване Гостином сыне (35), в которой пришел к выводу о почти буквальном совпадении начала былины с нашим памятником. С мнением же Буслаева соглашается А. В. Марков, отмечавший в своем исследовании сходство Повести с «Прением Живота со Смертью» и духовным «Стихом об Анике-воине» (47). Впрочем, некоторая близость Повести к духовным стихам была замечена еще раньше Буслаева Пыпиным в его «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских» (19) и В. Варенцовым. Варенцов приводит в «Сборнике русских духовных стихов» (81) в качестве параллелей к памятнику два духовных «Стиха про Удачу-доброе молодца». Отнесение Повести к духовным стихам являлось более натянутым, чем причисление ее к былинному жанру. Пыпин уже в своем «Очерке» ставит ее между сказкой, былиной и так называемыми «стихами». В небольшой заметке, помещенной в собрании сочинений Чернышевского, Пыпин более резко возражает Буслаеву (40). Одновременно с сравнением памятника с былинами и духовными стихами появилась и третья линия — сближение его с народными песнями. И здесь нашлись поборники, причислившие Повесть о Горе-Злочастии к жанру народных лиро-эпических песен. Например, А. С. Архангельский в лекциях по истории русской литературы (46) охарактеризовал это произведение как новую редакцию

народной песни, записанной П. Н. Рыбниковым. Однако большинство ученых XIX и начала XX века ограничивалось в своих работах о Повести лишь сравнением ее с былинами, народными песнями, духовными стихами, житиями, поучениями к детям, сказками, сочинениями о пьянстве, не относя ни к одному из названных жанров. Чтобы прийти к более или менее правильному заключению о жанровой природе такого сложного и противоречивого памятника, каким является Повесть о Горе-Злочастии, историко-литературного анализа, которым занимались исследователи дореволюционного периода, оказалось недостаточно. Необходим был глубокий стилистический анализ. Пример тонкого анализа стиля Повести о Горе-Злочастии впервые дал В. Ф. Ржига (58). Путем обстоятельного сопоставления отдельных стилистических элементов Повести с былинной, устной лирической песнью, апокрифическими произведениями он пришел к выводу, что нельзя жанровую природу памятника ограничивать каким-либо из названных видов. По его мнению, место Повести лежит между фольклором и книжностью. Первые исследователи, Костомаров и Пыпин, считали ее книжным произведением. Показатели того, что Повесть является не чисто народной, а сочиненной, Костомаров, как романтик, видел уже в ее «философском тоне» и «страстном изложении» (17). Буслаев же в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» (20), приводя наряду с фольклорными много книжных параллелей к Повести (сочинения против пьянства, поучения, слова о женах и т. п.), неожиданно и необоснованно причислил ее к устнопоэтическим произведениям (к духовным стихам). С тех пор в литературе вопроса происходили колебания: одни ученые относили Повесть к книжным произведениям [Н. Марков (34), Полевой (37), Симони (59)]; другие рассматривали ее как фольклорный памятник [Сиповский (39), Архангельский (46), А. Марков (47)]. Лишь В. Ф. Ржига детальным анализом Повести о Горе-Злочастии доказал правоту первоначальной точки зрения о ее книжном происхождении, ибо не только сущность образов доброго молодца и Горя-Злочастия здесь несомненно сложнее, чем в фольклоре, но и композиция по ряду книжных приемов восходит к житийному жанру. Работа Ржики положила конец спорам о жанровой природе произведения. После него уже никто из ученых не усомнился в литературном происхождении памятника. Наоборот, при более вдумчивом взгляде на памятник стали обнаруживать книжные черты в памятнике даже там, где фольклорность, казалось, была вне сомнения (71).

Если переломный период XVII века сказался на форме памятника косвенно в широком проникновении в него фольклорных элементов, то в содержании, образах, в идее произведения еще ярче проявилась та двойственность, которая характеризует борьбу старого и нового. Повесть о Горе-Злочастии рисует судьбу молодого человека, принадлежащего, вероятно, к торговой части посада, который был наказан за непослушание родителям Горем-Злочастием и вынужден уйти на «спасенный путь» — в монастырь. Образ молодца представляет собой тип человека нового поколения, который протестует, правда, еще пассивно, против домостроевских догм, воплощенных в родительском благословении и наставлениях. Традиционная точка зрения усматривает в Повести наличие конфликта «отцов и детей», характерного для эпохи XVII века, с победой на стороне «отцов», т. е. старины. На этой общей мысли исследователи сходились до недавнего времени. Однако в частной трактовке памятника вскоре обнаружилось разногласие. Если Ф. И. Буслаев (20, 21), И. Е. Забелин (24) и другие видели в основе Повести лишь религиозно-назидательную тенденцию и характеризовали ее (Повесть) как древнерусский идеал смире-

ния, то В. И. Водовозов (25) не мог с этим согласиться. По его мнению, хотя Повесть и кончается победой Домостроя, тем не менее она констатирует пробуждение в русском обществе XVII века сознания невозможности жить по-старому. Образ молодца тоже дан двойственно. С одной стороны, автор Повести осуждает доброго молодца за нарушение заповедей родителей, с другой стороны, мягкие краски, которыми он обрисовывает своего героя, наводят на мысль о сочувствии автора своему герою. Монашеская жизнь также представляется автору вовсе не идеальной, как в более ранних сочинениях древней Руси, не высшим оправданием земного бытия, а как единственный выход и следствие неудачно сложившейся жизни героя. До Повести о Горе-Злочастии уход в монастырь изображался в древнерусской литературе как высшая цель, к которой должен стремиться человек в жизни. Автор Повести о Горе-Злочастии в этом отношении являлся представителем своего времени, эпохи XVII века, когда церковь, ослабленная «смутой», не без борьбы сдавала свои позиции. Е. А. Петухов (45) отметил, что характеристика победы монашеского идеала дается автором памятника двойственно, как бы свидетельствуя о переломной эпохе, в которую он творил. Это подчеркивают и поздние исследователи, например Н. К. Гудзий (60). «Монашеская жизнь, — пишет он, — трактуется в повести не как идеал, даже не как норма, а как своего рода исключение для тех, кто не сумел наладить свою мирскую жизнь по правилам, какие предписывала веками сложившаяся традиция».¹

Что касается образа героя Повести, доброго молодца, то в его характеристике исследователями не было до недавнего времени особенного разнообразия. В нем признавали человека нового поколения, порывающегося искать новые пути в жизни, но пассивно, и поэтому терпящего неудачу. Впрочем, и в этом вопросе при внимательном рассмотрении истории изучения памятника можно обнаружить некоторое расхождение во мнениях. Те ученые, которые видели основную идею произведения в наказании за неповиновение родителям и победе Домостроя, рисовали образ молодца как человека беспомощного, основной чертой характера которого является слабость духа (Буслаев, Марков, Сиповский и др.). Дорошкевич (50) даже пытался в своих «Критических заметках о преподавании древней русской литературы» рассматривать этот образ с точки зрения христианского идеала смирения и предлагал его как параллель для объяснения аскетизма Лизы Калитиной. Однако большинство исследователей поняло образ доброго молодца как человека нового поколения, ищущего иных самостоятельных путей в жизни, чем те, которые предписывались стариной, но еще недостаточно активного, чтобы выйти победителем.

Таким образом, герой выступает в Повести о Горе-Злочастии в конфликте двух поколений, имевшем место в реальной жизни Руси XVII века. Такова была традиционная точка зрения на памятник, постепенно развиваемая позднейшими учеными. Она была почти бесспорна до последнего времени. В 1948 году Д. С. Лихачев (71) снова вернулся к мнению Буслаева, что молодец — просто безвольный человек, что пьянство его — «кроткое пьянство». Он пишет: «...назидательная часть Повести складывается из чисто практических житейских наставлений. Мораль эта ни стара, ни нова, и молодец нарушает ее не потому, что хочет жить самостоятельно, а по безволию и „неразумию“. Молодец не новый человек, ему нечего противопоставить житейскому опыту своих родителей. В нем нет ни практической хитрости, ни пытливой любознательности, ни пред-

¹ Н. К. Гудзий История древней русской литературы Изд. 3-е, М., 1945, стр. 407

примчивости, ни даже желания перечить окружающим» (стр. 214). А поэтому здесь нет никакого «конфликта» двух поколений. Однако эта характеристика образа героя Д. С. Лихачевым не встретила отклика в последующей литературе о Повести о Горе-Злочастии [А. А. Кайев (72), М. О. Скрипиль (78)].

Если в толковании образа доброго молодца мы видим относительное единство, то гораздо большие разногласия замечаются в трактовке другого образа памятника — Горя-Злочастия. Фантастичность Горя-Злочастия, тесно вплетенного в реальную обстановку, изображенную в этом произведении, сразу обратила на себя внимание исследователей. С тех пор не было ни одной работы о Повести о Горе-Злочастии, которая так или иначе не охарактеризовала бы этот образ. Соответственно духу времени второй половины XIX века образ Горя-Злочастия заинтересовал ученых прежде всего с генетической стороны. Тотчас после открытия и опубликования памятника разгорелась полемика между Костомаровым и Буслаевым по поводу генезиса Горя-Злочастия. Костомаров, как известно, выдвинул гипотезу мифологичности Горя в Повести и сводил его происхождение к античности (сравнение с Эвменидами) (17, 18); Буслаев же давал этому образу психологическую характеристику и объяснял его как художественное олицетворение темной совести молодца (20, 21). С тех пор споры не затихали, хотя ученые и не выдвигали ничего нового. Поборниками мифологичности Горя были Потебня (22), Афанасьев (23), Пыпин (40) и др. Мнение Буслаева отстаивали Марков (34), Полевой (37), Архангельский (46). В советский период этот вопрос тоже остался неразрешенным: например, в «Истории русской литературы», под ред. В. А. Десницкого (64), Горе-Злочастие определяется как художественное олицетворение; А. С. Орлов (66) говорит о Горе в Повести как о мифическом существе. Однако в настоящее время исследователей больше интересует толкование образа Горя-Злочастия.

Еще Костомаров во вступительной статье к первому изданию Повести обратил внимание на сходство ее идей с украинской песней о Лихе-Доле (17). В следующей работе «О мифическом значении Горя-Злочастия» (18) он уже более определенно рассматривает Горе-Злочастие как образ, в основе которого лежит понятие русским и украинским народами человеческой Доли-Недоли. Подробно развил эту мысль А. Н. Веселовский. Сравнив представления о судьбе (доле) у различных народов, Веселовский пришел к выводу о двойственном характере образа Горя в Повести, о том, что в этом образе сливаются народные представления о лихой доле с демонологическим мотивом христианско-библейской легенды (28, 30, 31). Это заключение было подхвачено другими исследователями, в ряде случаев дополнено различными параллелями и до сих пор никем не опровергнуто.

В последующей литературе о Повести больше говорилось о народности Горя-Злочастия, чем о его связях с книжной традицией. Некоторые ученые прямо, хотя и без достаточного основания, утверждали его заимствование из народных песен о доле [Полевой (37), Архангельский (46)]. В наше время сложность образа Горя-Злочастия является вне всяких сомнений. Против излишней фольклоризации Горя в Повести выступает Д. С. Лихачев (71). Он считает, что народный образ Горя в памятнике значительно усложнен и переосмыслен; чужд фольклорному пониманию тот момент, что оно привязалось к человеку как бы в наказание за похвальбу.

С характеристикой образа Горя в Повести о Горе-Злочастии тесно связан не менее сложный и запутанный вопрос о влияниях. Ничем так не богата литература об этом произведении, как сравнениями. С самого

открытия Повести приводились многочисленные параллели к ней из книжных и фольклорных источников, чаще всего ее сравнивали с народными русскими и украинскими песнями о Горе и Доле, особенно в связи с образом Горя-Злочастия, с песнями, записанными Рыбниковым, Соболевским, Киршей Даниловым, Бережковым, А. Марковым и др., а также с былинами (об Иване Гостином сыне — В. Ф. Миллер и т. д.). Среди других параллелей сравнения с песнями и сказками о Горе надо признать наиболее удачными, так как они действительно близки к Повести. Это сходство заставило ученых говорить о влиянии на Повесть, особенно на образ Горя, фольклора.

Однако в большинстве исследований дело кончалось лишь констатацией факта сравнения без подробного анализа сравниваемого материала. Сложность же образа Горя-Злочастия наводила на мысль о возможности обратного влияния его на позднейшие великорусские песни и сказки. Впервые эту мысль высказал А. И. Сонни в работе «Горе и Доля в народной сказке» в 1906 году (41). Ответить же, каково было обратное влияние, он еще не мог. Только подробный стилистический анализ текста Повести и сравниваемого с ней песенного материала дал возможность В. Ф. Ржиге разобраться в этом чрезвычайно запутанном вопросе. В народных русских, украинских и белорусских песнях о Горе он различает две группы: 1) варианты песен о Горе как женской доле, 2) варианты песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Путем их анализа и сопоставления с Повестью о Горе-Злочастии исследователю удалось доказать, что русские, украинские и белорусские народные песни о Горе как женской доле оказали влияние на это произведение. Сам же памятник явился художественным прототипом позднейших великорусских песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Таким образом, творческая заслуга неизвестного автора Повести состоит здесь в переработке фольклорного материала о Горе, в прикреплении его к образу молодца. В. Ф. Ржига также подчеркивает, что Повесть как русский памятник воздействовала в данном случае только на великорусский фольклор. Выводы эти были приняты последующими исследователями. Тем не менее их нельзя считать исчерпывающими. Вопрос о взаимосвязях Повести с устным творчеством нуждается в тщательной разработке.

Что касается книжных связей, то они остаются очень неясными. Первые издатели, отдавая дань мифологической и исторической литературным школам прошлого столетия, приводили к Повести книжные параллели настолько отдаленные, что эти параллели сами по себе не вносили ничего нового в дело ее изучения. Например, Буслаев без всякого основания усматривал связь памятника со средневековыми изображениями «пляски мертвых» по частному применению сказания об Адаме и Еве, с древне-немецким стихотворением XIII века «Гельмбрехт» Вернера Гартенера по мотиву неповиновения родителям, чем вызвал справедливые нарекания позднейших исследователей [Пыпин (40), Архангельский (46), Мазон (74)]. Более правильным представляется сравнение Буслаева Повести о Горе-Злочастии с древнерусскими сочинениями о пьянстве. Эта связь с апокрифическими и народными преданиями о вине и хмеле была воспринята учеными после того, как Веселовский представил ее на широком полотне мировой литературы и фольклора в своих трех работах, посвященных Повести. Увлечение этой параллелью особенно ярко проявилось тогда, когда Александр-Невское общество трезвости в Петербурге в 1907 году зачислило Повесть в разряд сочинений против пьянства (42). Это было преувеличением: пьянство является одним из мотивов назидательной стороны памятника, но не главным. Кроме того, как в настоящее

время показал Д. С. Лихачев, Повесть существенно отличается от сочинений о пьянстве: она рисует молодца сочувственными красками, а не кающимся грешником. По сюжету Повесть иногда сближали с евангельской притчей о блудном сыне. Эту мысль старается развить французский ученый А. Мазон, возводя происхождение памятника к евангельскому тексту (74). В вопросе о книжном влиянии на Повесть о Горе-Злочастии исследователи проявляют единство в сближении начала ее с библейским сказанием о грехопадении Адама и Евы. Книжно-религиозное вступление настолько резко отличается от всей стилистической канвы текста, что его (вступление) рассматривали как позднейшую приписку. Попытку опровергнуть эту традиционную точку зрения сделал Лихачев. Он считает, что вступление, повествующее о нарушении божеской заповеди первыми людьми, является органическим началом дальнейшего рассказа о нарушении героем заповеди семейно-бытового уклада русской жизни XVII века, поэтому цельность композиции Повести о Горе-Злочастии несомненна.

Вопросы стиля и языка этого произведения стали разрабатываться в советский период, кроме обстоятельной работы Ржиги, в последние годы. Текст Повести содержит в себе так называемые «темные места». До 1944 года, когда появилась статья А. С. Львова «Темные места в „Повести о Горе-Злочастии“» (65), их расшифровка имела чисто случайный характер сносок и комментариев. Хотя работа Львова выясняет значения всего лишь 8 «темных мест», она представляет серьезное начинание в этом направлении. Отдельным сторонам языка Повести о Горе-Злочастии посвящены два исследования последних лет: статья В. П. Воробьева «Сложно-сочиненное предложение в русских оригинальных повестях второй половины XVII века», 1948 г. (70), и диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук М. К. Давыдовой «Лексика Повести о Горе-Злочастии», 1953 г. (75). Весьма ценным достижением этих исследований представляется их тенденция к неразрывной связи языка памятника с его стилем и содержанием.

Итак, изучение Повести о Горе-Злочастии еще далеко до своего завершения. В некоторых вопросах оно только начинается. Относительно решенными можно считать следующие вопросы:

- 1) датировка написания и списка памятника,
- 2) литературное происхождение его,
- 3) связь Повести с народными песнями о Горе,
- 4) возведение начала Повести к библейскому тексту о грехопадении Адама и Евы.

Задачи, в данное время стоящие перед исследователями в деле изучения Повести о Горе-Злочастии:

- 1) характеристика образа доброго молодца и образа Гора-Злочастия (происхождение, трактовка),
- 2) детальная разработка вопроса о взаимоотношении повести и фольклора,
- 3) книжные заимствования в памятнике,
- 4) проблемы «темных мест»,
- 5) всестороннее изучение стиля и языка Повести, недавно начатое.

Библиография Повести о Горе-Злочастии

1. Издания

«Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин». Нач.: «Изволением господа бога и спаса», по ркп. ГПБ, Погод. № 1773, XVIII в.

1. Срезневский И. И. Старческая песнь о Горе-Злочастии. — Известия АН по ОРЯС, 1856, т. V, вып. II, стр. 401—412 (Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян).
2. Костомаров Н. И. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. — Современник, 1856, № 3, отд. 1, стр. 49—68.
3. Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова, вып. 1, СПб., 1860, стр. 1—8.
4. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 1367—1383.
5. Горе-Злочастие. Повесть о Горе и Злочастии, с приложением народных былин о горюшке и добром молодце и других. М., 1864, 59 стр.
6. Цветков А. Образцы древней русской словесности. СПб., 1879, стр. 301—313.
7. Глазунов И. Древнерусские повести и романы. СПб., 1895, стр. 67—79.
8. Марков Н. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. Елизаветград, 1896, 22 стр. (перевод Повести на современный язык).

Рец:

Русская мысль, 1897, кн. IX, сентябрь, стр. 410.

9. Симони П. К. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. Изд. ОРЯС, СПб., 1903, XXII, 48 стр. (фототипическое издание).

Рец:

ЖМНП, 1903, октябрь, стр. 437—438.

10. Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 1—13.

Рец:

Розанов С. П. Русские повести XVII—XVIII вв. под ред. Сиповского. 1905 г., стр. 1—14. — Известия ОРЯС АН, 1904, кн. 4.

11. Симони П. К. Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — Сборник ОРЯС, т. LXXXIII, № 1, СПб., 1907, стр. 1—88 (и отдельно).

Стр. 27—48: Полный снимок со списка Повести и построчная транскрипция текста. Стр. 49—73: Текст в чтении акад. Ф. Е. Корша. Стр. 74—78: Опыт реставрации текста.

12. Дунаев Б. И. Библиотека старорусских повестей, II. М., 1914.

Рец:

Назаревский А. — Русский филологический вестник, 1915, № 2, стр. 433—434.

13. Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности. Изд. 13-е, дополн. и исправл. акад. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 186—208.
14. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Учпедгиз, М., 1935, стр. 299—313.

Здесь же напечатаны две народных песни о горе.

- То же. Изд. 2-е, 1936, стр. 299—313.
 То же. Изд. 3-е, 1938, стр. 366—379.
 То же. Изд. 4-е, 1947, стр. 342—357.
 То же. Изд. 5-е, 1952, стр. 391—406.
 То же. Изд. 6-е, 1955, стр. 385—400.
15. Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. Учпедгиз, М., 1938, стр. 236—240 (текст печатается с сокращениями).
 То же. Изд. 2-е, М., 1952, стр. 320—326.
16. Русская повесть XVII века. Гос. Изд. худож. лит., М., 1954, стр. 103—115.

Текст подготовлен к печати М. О. Скрипилем.

II. Исследования

17. Костомаров Н. И. Горе-Злочастье, древнее русское стихотворение. — Современник, 1856, № 3, отд. I, стр. 49—68.

Самобытность Повести о Горе-Злочащении. По форме Повесть — былина, по содержанию — новое оригинальное явление. Философский тон Повести и страстное изложение ее как показатели произведения не чисто народного, а сочиненного. Повесть написана ранее XVII в. Связь содержания Повести с обычаями русской старины. Древность образа Гора-Злочащения: сравнение его с Эвменидами из греческой мифологии. Сходство идеи Повести с малорусской песней о Лихе-Доле. Разложение текста на стихи.

18. Костомаров Н. И. О мифическом значении Гора-Злочащения. — Современник, 1856, № 10, отд. I, стр. 113—124.

Полемика с Ф. Буслаевым относительно мифологичности образа Гора-Злочащения: Горе — мифологическое существо, а не поэтический образ. Великорусские и малорусские песенные параллели к образу Гора-Злочащения.

То же. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова, вып. I, СПб., 1860, стр. 12—18.

19. Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, 360 стр.

Стр. 293—295: Повесть о Горе-Злочащении. Повесть — произведение, занимающее среднее место между сказкой, былинной и так называемыми «стихами». Повесть — литературная обработка народноповестического материала. Библиография.

20. Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочащении, как Горе-Злочаствие довело молодца в иноческий чин. Древнее стихотворение. — Русский вестник, 1856, т. IV, июнь, кн. 2, стр. 5—52; июль, кн. 2, стр. 279—322.

Содержание Повести о Горе-Злочащении. Сравнение тем и образов памятника: с былинной «Садко богатый гость», с повествованием о Тихвинской иконе Богоматери, с древнерусскими сочинениями против пьянства, с древнерусскими поучениями, со словами о женах. Отнесение Повести о Горе-Злочащении к разряду духовных стихов. Сравнение Повести с древне-немецким стихотворением XIII в. «Гельмбрехт» Вернера Гартенера. Начало Повести о Горе-Злочащении в связи с вариантами библейской легенды о грехопадении в религиозной литературе у различных народов и со средневековыми изображениями «пляски мертвых». Возражения против мнения Костомарова о мифическом значении образа Гора-Злочащения: образ Гора — художественное олицетворение темной совести самого героя (доброе молодца).

То же. В кн.: Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 548—643.

21. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 1367—1383.

Текст. Объяснение некоторых слов Повести. Главная мысль Повести о Горе-Злочасти. наказание Горем-Злочастием непочтительного к родителям сына Близость характеристики Гора-Злочастиа со стихотворением Кириши Давилова «А и в горе жить — некручинну быть».

22. Потеня А. А. О доле и сродных с нею существах. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. I, вып. 2, М., 1867, стр. 153—196.

Этимологические разыскания слов: часть, доля, пай, случай, притча, рок, лихо, беда, нужда, горе. Горе-Злочастиа в Повести о Горе-Злочасти — мифический образ. Возражения Буслаеву, считавшему Горе поэтическим олицетворением. Рассмотрение мифических представлений о доле и связанных с нею понятиях у различных народов. Песенный и сказочный комментарий.

То же. В кн.: Ал. Аф. Потеня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914, стр. 189—243.

23. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. III. М., 1869, стр. 392—421.

Образ Недоли, Гора в народной поэзии (в песнях и сказках). Доля и Недоля — живые мифические лица, тождественные девам судьбы (рожаницам) Сравнение Гора с украинскими эльдами. Параллели к образам Доли и Недоли у других индоевропейских народов.

24. Забелин И. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст., т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869, стр. 50—54.

То же. Изд. 2-е, М., 1872, стр. 50—54.

Повесть о Горе-Злочасти — выражение древнерусского идеала смирения, поэтическое воспроизведение основных учений Домостроя. Образ Гора-Злочастиа создан в назидание молодому поколению XVII в.

25. Водовозов В. И. Рассказы о том, что у нас сохранилось по народной памяти и по грамоте. — Народная школа, СПб., 1870, № 4, стр. 29—32.

Народный язык Повести о Горе-Злочасти. Памятник констатирует пробуждение сознания в русском обществе XVII в. о невозможности жить по-старому.

26. Водовозов В. Древняя русская литература. СПб., 1872, 350 стр.

Стр. 280—285: Содержание и литературный анализ Повести о Горе-Злочастиа.

27. Петров Н. И. Южно-русские легенды (библиографическая заметка). — Труды Киевской духовной академии, 1877, № 3, стр. 556—557.

Параллели из украинских народных легенд к Повести о Горе-Злочасти: украинский рассказ «Ох»; великорусские народные стихи о Горе-Злочастиа (отрывок песни из «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», т. 1, стр. 470).

28. Веселовский А. Н. Altslavische Kreuz- und Rebensagen. — Russische Revue (Monatsschrift für die Kunde Russlands), 1878, Bd. VII, H. 8, стр. 144—149.

Содержание Повести. Сходство образа Горя в русских песнях и сказках с образом Горя в Повести. Связь образа Горя с преданиями о хмеле.

29. Евстафьев П. В. Древняя русская литература, вып. II. СПб., 1879, стр. 160—169.

История открытия Повести о Горе-Злочасти. Краткое содержание. Типические черты русской народной жизни, представленные в Повести (по мнению автора, это: вера в святость родительского благословения; бражничество; неуважение к женщине; чистый путь спасения — монастырь). Историческое и поэтическое значение Повести. Основная мысль произведения — послушание родителям. Сущность Повести — характеристика доброго молодца древнерусской жизни.

30. Веселовский А. Н. Глава о повестях в кн.: А. Галахов. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1880, т. 1, отд. 1, стр. 474—480.

Содержание Повести о Горе-Злочасти. Двойственный характер образа Горя: народные представления о лихой доле и демон христианско-библейской легенды. Связь Повести с демонологическими рассказами о «винном питии».

31. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. — Сборник ОРЯС, т. XLVI, № 6, СПб., 1889; т. LIII, № 6, СПб., 1891.

О Горе-Злочасти в разделах XIII — «Судьба-доля в народных представлениях славян», стр. 249—260, и XXIII — «К развитию народных представлений о Доле», стр. 167—183. В Повести о Горе-Злочасти христианское понимание идеи недоли как искупления за грехи. Связь этой идеи с библейским рассказом о грехопадении. Южнославянские и русские народнопоэтические параллели к образу Недоли. Описание представлений о судьбе (доле) и связанных с ними обрядов у различных народов.

32. Васильев М. К. Антропоморфические представления в верованиях украинского народа. — Этнографическое обозрение, 1890, № 1, стр. 87—97; 1892, № 4, стр. 157—169.

Генезис олицетворений украинского народа: Доля, Злыдни, Беда и проч. Воплощение положительного начала — Доля; воплощение отрицательного начала — Беда. Примеры на олицетворение Доли, Беды и проч. из украинского фольклора (рассказы). В «Этнографическом обозрении» № 4 за 1892 г., стр. 169—170 — статья Н. Ф. Сумцова «Дополнение к статьям о Доле и Недоле» (библиография к статье М. К. Васильева).

33. Иванов П. В. Народные рассказы о доле. — Сборник харьковского историко-филологического общества, т. IV, Харьков, 1892, стр. 54—89 (отдельный оттиск).

В украинском народном творчестве Доля — душа предков. Характеристика Доли как неизбежности, неотвратимости и бессилия человека в борьбе с ней. Верование в связь судьбы человека (Доли) с небесными светилами. Наличие в понятии о Доле трех идей: прирожденности, предопределения, случая. Иллюстрация этих положений материалом украинских народных рассказов, сказок, песен.

34. Марков Н. Повесть о Горе и Злочасти... — Журн. «Гимназия», Ревель, 1896, ноябрь, стр. 1—45.

Самобытность Повести о Горе-Злочасти. Это произведение личного творчества, построенное на книжной основе. Состав и содержание Повести. Литературный анализ первой и второй частей Повести. Основа счастья человека по автору Повести о Горе-Злочасти в семье. Личность доброго молодца. Важнейшая черта характера молодца — слабость духа. Образ Горя-Злочасти — поэтический образ. Параллели к нему из русских песен и сказок.

35. Миллер В. Ф. Былины об Иване Гостином сыне. — ЖМНП, 1896, № 4, стр. 276—306.

То же. В кн.: В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897, стр. 247—254.

В частности, сравнение былины об Иване Гостином сыне с Повестью о Горе-Злочастии: общность идеи былины и Повести. Почти буквальное совпадение начала былины об Иване Гостином сыне с Повестью о Горе-Злочастии. (Резюме доклада на эту тему. — Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества, М., 1898, т. II, Протоколы, стр. 8—9).

36. Пыпин А. Н. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, 566 стр.

Стр. 547—549: Повесть о Горе-Злочастии. По форме Повесть — произведение чисто народное. Двойственность Повести. Изложение взглядов Буслаева на памятник.

37. Полевой П. Н. История русской словесности, т. I. СПб., 1900, 652 стр.

Стр. 323—331: Повесть о Горе-Злочастии. Цель и основа Повести о Горе-Злочастии — назидание. Двойственный характер Повести: она — как бы связующее звено между книжными произведениями и народными. Образ Гора-Злочастия как олицетворение; он заимствован из народных песен и сказок о Горе.

38. Симоны П. К. Повесть о Горе и Злочастии... Изд. ОРЯС, 1903 (см. № 9).

История открытия Повести Пыпиным. Описание рукописного сборника, содержащего ее. Библиография. Издание рукописного списка памятника. Фотоснимок списка Повести о Горе-Злочастии.

39. Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, 308 стр.

Стр. XXIX—XXXVII, 14—21: Горе-Злочастие. Связь Повести о Горе-Злочастии с народной песней и духовным стихом. Беспомощность героя Повести, человека нового времени, перед идеалами старины. Сложность происхождения образа Гора-Злочастия. Текст памятника. Лиро-эпические народные песни и сказки о Горе как наиболее близкие по содержанию к Повести.

40. Пыпин А. Н. Заметка. — Чернышевский Н. Г., Сочинения, т. II, СПб., 1906, стр. 612—616.

Мифологичность образа Гора-Злочастия. Poleмика с Буслаевым. Повесть о Горе-Злочастии — светская повесть.

41. Сонни А. И. Горе и Доля в народной сказке. — Египос. Сборник в честь Н. П. Дашкевича, Киев, 1906, стр. 362—425.

Изложение взглядов Костомарова, Потебни, Афанасьева, Буслаева на образы Гора, Доли и т. д. Возражение Веселовскому. Анализ русских, украинских, немецких, польских и других сказок о Горе и Доле. Происхождение их — от античности. Образы Гора и Доли в великорусских народных песнях. Образ Гора — чисто поэтическая формула. Сложность образа Гора в Повести о Горе-Злочастии: соединение черт народной песни с церковно-библейскими. Влияние этого сложного образа на позднейшие великорусские песни и сказки.

42. Древнерусские сказания о пьянстве. — Александров-Невское общество трезвости, СПб., 1907, стр. 1—29.

Отнесение Повести о Горе-Злочастии к разряду сочинений «против пьяниц и злого запойства» (мнение Буслаева).

43. Симо́ни П. К. «Повесть о Горе и Злочасти́и, как Горе-Злочасти́е довело молодца во иноческий чин», по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — Сборник ОРЯС, т. LXXXIII, № 1, СПб., 1907, стр. 1—88 (и отдельно).

История открытия, изданий и исследований Повести. Описание рукописного сборника М. П. Погодина № 1773. Текст Повести о Горе-Злочасти́и. Полный снимок со списка ее. Текст Повести в чтении акад. Ф. Е. Корша с его замечаниями о ритмике и метрике произведения. Опыт реставрации текста.

44. Преображенский В. С. Славяно-русский скитский патерик. Киев, 1909, 258 стр.

Стр. 237—238: Заимствование в Повести о Горе-Злочасти́и четырех мест из Скитского патерика.

45. Петухов Е. В. Русская литература. Древний период. Юрьев, 1911, 768 стр.

Стр. 546—549: Повесть о Горе и Злочасти́и. Сочетание в Повести о Горе-Злочасти́и книжного демонологического мотива с народным представлением о лихой доле. Характеристика победы монашеского идеала как свидетельства переходной эпохи.

То же. Изд. 2-е, Юрьев, 1912, стр. 350—352.

46. Архангельский А. С. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (конец XV—XVII вв.). Казань, 1913, 613 стр.

Стр. 421—435, 516: Повесть о Горе-Злочасти́и. Основная мысль Повести о Горе-Злочасти́и — святость семейных уз. Пессимистичность автора произведения. Сближение Буслаевым Повести со средневековыми изображениями «пляски смертей» и бесов слышком отвлеченно. Возражение Костомарову о мифологичности образа Гора-Злочасти́я. Образ Гора — поэтическое олицетворение древнерусских народных представлений о злой доле: связь Повести с народной поэзией. Характеристика памятника как новой редакции народной песни, записанной Рыбниковым. Повесть — книжное произведение. Связь ее с циклом древнерусских слов и поучений, направленных против «злого запойства». Герой Повести — человек нового поколения, «жертва безвременья» московской Руси XVII в.

47. Марков А. В. Повесть о Горе-Злочасти́и. — Живая старина, СПб., 1913, вып. I—II, стр. 17—24.

Место Повести среди произведений народной поэзии. Основные черты содержания ее. Сходство памятника с былинами и духовными стихами. Происхождение поэтического образа Гора-Злочасти́я: в основе этого образа литературный образ Смерти. Сравнение Повести о Горе-Злочасти́и с «Прением Живота со Смертью» и «Стихом об Анике-воине».

48. Сумцов Н. Ф. Злыдни в бочке. К сказаниям о заключенном бесе. — Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 59—67.

В малорусских сказках Злыдни — синоним Гора-Злочасти́я и Недоли. Сближение образа Злыдней с образами Доли и Недоли в малорусских и русских сказках. Оценка некоторых исследований о Доле и Недоле.

49. Охотский Б. Черты русской жизни XVII в. по светским повестям. Казань, 1914, стр. 6—10, 12—26 (отдельный оттиск из журн. «Вестник образования», 1914, № 4—8).

История издания и изучения Повести о Горе-Злочасти́и (библиография). Изложение содержания памятника. Бытовые черты русской жизни XVII в. по Повести.

50. Дорошкевич А. К. Критические заметки о преподавании древней русской литературы. М., 1915, 42 стр.

Стр. 19, 21—22, 37—38: О повести о Горе-Злочаштии. Повесть о Горе-Злочаштии как параллель для объяснения учащимся аскетизма Лизы Калитиной («Дворянское гнездо» Тургенева). Параллели к христианскому идеалу смирения: молодец из «Горя» и Миша Полтев из повести Тургенева «Отчаянный»; художник из повести Гоголя «Портрет».

51. Белецкий А. И. О преподавании древнерусской литературы в средней школе. Харьков, 1917, стр. 5, 18.

Упоминание о Повести о Горе-Злочаштии.

52. Сиповский В. В. История русской словесности, ч. 1. Изд. 8-е, 1917, 252 стр.

Стр. 216—219: Повесть о Горе-Злочаштии. Близость Повести с духовными стихами и народными песнями. Изложение содержания памятника. Историческое значение Повести: идеалы Домостроя. Связь ее с житиями. Аналогичность образа Гора-Злочаштия Обиде из «Слова о полку Игореве». Отличия Повести от Киевского патерика.

53. Майданов Д. Т. Повторительный курс истории русской словесности, ч. 1, вып. II. Одесса, 1917, стр. 211—215.

Связь Повести о Горе-Злочаштии с полудерковными повестями, легендами, духовными стихами и народными песнями. Некоторое сходство героя Повести с горьковским Фомой Гордеевым. Краткое содержание памятника.

54. Соболевский А. И. Повесть о Горе-Злочаштии. — В кн.: Ф. Буслаяев. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности. Изд. 13-е, дополн. и исправл. акад. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 186—203.

Деление Повести о Горе-Злочаштии по содержанию на 6 составных частей. Повесть сложена из поэтического элемента и назидательного. По поэтическому складу она примыкает к народным песням; по назидательному — к поучениям детям и сочинениям о пьянстве. Текст Повести с комментариями. Приложение: два варианта «Стиха про Удачу-доброего молодца» с комментариями.

55. Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.—Пгр., 1923, 96 стр.

Стр. 63—65: Библиография и тематика изучения Повести о Горе-Злочаштии.

56. Перетц В. Н. Українська паралель до повісті «Горе Злочаштіє». — «Україна», 1924, кн. 3 (Всеукраїнська Академія наук), стр. 23—24.

Как параллель к Повести о Горе-Злочаштии приведена вирша по рукописи Виленской публичной библиотеки № 234 (16) первой половины XVIII в.

57. Луговський Б. З приводу «Української паралелі до повісті «Горе-Злочаштіє» акад. В. Н. Перетца. «Україна», 1924, кн. 3 — «Україна», 1926, кн. 1 (Всеукраїнська Академія наук), стр. 43—50.

В дополнение к стиху о блудном сыне, приведенному в названной работе В. Н. Перетца, автором дается псалм «Блудящий человек», записанный в Черниговской области.

58. Ржига В. Ф. Повесть о Горе и Злочаштии и песни о Горе. — Slavia, 1931, X, вып. 1, стр. 40—66; вып. 2, стр. 288—315.

Вып. 1: Стилистический анализ Повести о Горе-Злочаштии. Ряд приемов и формул былинного стиля в Повести. Близость к былинам

метрической структуры памятника. Близость Повести к устной лирической песне. Использование элементов и приемов книжной композиции в памятнике. Возражения против доводов Буслаева о помещении Повести о Горе-Злочастии между былинами и духовными стихами, возражения против отнесения ее Марковым к духовным стихам. Повесть стоит между фольклором и книжностью. Композиционная структура ее: 1) вступление, 2) развитие сюжета: а) на родине, б) на чужой стороне, в) возвращение с чужбины и выход на «спасеный» путь. Двойственность образов Гора-Злочастия и доброго молодца. Генетическое восхождение композиционной рамки Повести о Горе-Злочастии к житийному жанру. Вып. 2: Библиография народных русских, белорусских и украинских песен о Горе. Деление этих песен на две группы: 1) варианты песен о Горе как женской доле; 2) варианты песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Литературный анализ их. Сопоставление народных песен о Горе с Повестью о Горе-Злочастии. Выводы: Влияние песен о Горе как женской доле на Повесть; Повесть о Горе-Злочастии как художественный прототип фольклорных песен о Горе в применении к образу доброго молодца.

59. Виноградов Г. 75-летний юбилей П. К. Симони. — «Советский фольклор» (сборник статей и материалов), М.—Л., 1936, № 2—3, стр. 458—459.

Гипотеза Симони, высказанная им в докладе в Институте русской литературы в мае 1934 г.: Отнесение Повести о Горе-Злочастии к исходу XVI в. или к самому началу XVII в. Трактовка этого памятника как литературного произведения, вышедшего из новгородского культурного гнезда. Автор Повести, по мнению Симони, — московский протопол Терентий.

60. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1938, стр. 379—385, 446.

Изложение содержания Повести о Горе-Злочастии. Характеристика Повести как первого русского произведения, в котором рассказывается о судьбе обыкновенного светского человека. Старина в памятнике торжествует над индивидуалистическими порывами молодого поколения. Связь Повести с другими древнерусскими произведениями о хмеле. Сравнение «блудного сына» из «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого с молодым из Повести о Горе-Злочастии.

То же. Изд. 2-е, 1941, стр. 399—405, 465.

То же. Изд. 3-е, 1945, стр. 403—409, 490.

То же. Изд. 4-е, 1950, стр. 371—378.

То же. Изд. 5-е, 1953, стр. 370—376, 483.

61. Кузьмина В. Д. Изучение русских повестей XVII века в VIII классе. — Литература в школе, 1939, № 5, стр. 43—54.

Повесть о Горе-Злочастии как одна из семейно-бытовых посадских повестей конца XVII в. Это — попытка синтеза церковно-книжной легенды и фольклора. Восхождение к книжной традиции композиционной рамки Повести, отчасти идеи, а также отдельных мотивов (наставления родителей, образ «злой жены», изображение пьянства в кабаке), композиционных элементов (символический параллелизм). Влияние фольклора на стиль памятника: краткий пересказ стилистического анализа В. Ф. Ржиги в «Slavia». Связь образов этого произведения с народным творчеством. Возражение против психологической характеристики Буслаевым образа Горч-Злочастия.

62. Адрианова-Перетц В. П. и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. Библиография истории древнерусской литературы, вып. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, 326 стр.

Стр. 267—270: Библиография изданий и исследований Повести о Горе-Злочастии.

63. Ценная литературная находка. — Литературная газета, 1940, 12 XI (№ 56).

О находке В. И. Малышевым в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР рукописного сборника «Стихи покаянны, слезы и умильны» XVII в. Многие вирши этого сборника говорят о бесспорном их влиянии на «Повесть о Горе-Злочاستии».

64. История русской литературы. Учебник для вузов. Под общ. ред. проф. В. А. Десницкого. Учпедгиз, М., 1941, т. 1, ч. 1, гл. VIII, § 2. стр. 265—268 (автор — М. О. Скрипиль).

Острая злободневность Повести о Горе-Злочастии в исторической обстановке середины XVII в. Двойственность в обрисовке молодого поколения в произведении — отражение неустойчивости общественно-политических устремлений торговой части посада. Лиризм образа главного героя в Повести — черта нового времени. Родство памятника с народным творчеством. Горе-Злочастие — художественное олицетворение темной совести молодца. Влияние Повести на устные варианты песни о Горе и добром молодце.

65. Львов А. С. Темные места в «Повести о Горе и Злочастии». — Ученые записки Ярославского Гос. педагогического института, 1944, вып. 1, стр. 62—76.

Попытка выяснить значение некоторых слов и выражений в Повести: 1) вправде вечерине; 2) заточное; 3) ишему; 4) упатки, упадывать; 5) некласти скарлату; 6) головенкою; 7) нани; 8) шумить.

66. Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, 346 стр.

Стр. 335: Сходство Повести о Горе-Злочастии с Повестью о Савве Грудыне в объяснении нарастания проступков героев обоих произведений вмешательством злой силы. Образ Гора мифологичен.

67. Марісова Л. Й. Поема М. Бейдемана «Ванюша» і староросійська «Повесть о Горе-Злочастии». — Київ, Держ. університет ім. Т. Г. Шевченка. Студентські наукові праці. Збірн. VII. Історія та філологія. Київ, 1946, стр. 33—49.

М. Бейдеман, вероятно, был знаком с Повестью о Горе-Злочастии, что нашло отражение в некоторых внешних формальных чертах его стихотворной повести «Ванюша».

68. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, 188 стр.

Стр. 80, 86, 94, 96, 97: Примеры метафорических образов древнерусского поэтического стиля из Повести о Горе-Злочастии: стр. 80, добрый молодец — сокол; стр. 86, враг — ворон (в Повести — Горе); стр. 94, символ зла, лукавства, всякого обмана — змей. Стр. 96—97: Использование в Повести образа песенной символики — волка (символ быстроты бега) для изображения бегства молодца от Гора.

69. Малышев В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянны» о пьянстве). — Труды ОДРЛ, V, стр. 142—146.

Приведение в качестве тематической и стилистической параллели к Повести о Горе-Злочастии стиха «покаянен» о пьянстве из списка сборника «покаянных» стихов середины XVII в. Центрального Гос. архива Карело-Финской ССР, № 38. Стилистическая близость к Повести «стихов покаянных» наводит на мысль о их влиянии на Повесть

70. Воробьев В. П. Сложно-сочиненное предложение в русских оригинальных повестях второй половины XVII века. — Ученые записки Саратовского Гос. педагогического института, вып. XII, 1948, стр. 163—191.

Основной тип предложения в Повести о Горе-Злочастии — сложное предложение, в пределах которого заметно некоторое преобладание сочинения над подчинением. Воздействие и влияние стиля Повести на структуру предложения в ней. Употребление и функции сочиненных союзов в этом памятнике.

71. История русской литературы, т. II, ч. II. Литература кануна реформы (1640—1690-е годы). Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, гл. III, стр. 207—221 (автор — Д. С. Лихачев).

Цельность Повести о Горе-Злочастии. Несогласие с традиционной точкой зрения, что в Повести есть конфликт между двумя поколениями (отцами и детьми) Огенька Повести как первого произведения русской литературы, стремившегося к широте художественного обобщения: тема памятника — жизнь человека вообще. Характеристика образа Гора-Злочастия как не совсем фольклорного: чужд народному пониманию Гора тот момент, что оно привязалось к человеку как бы в наказание за похвальбу Повесть о Горе-Злочастии — произведение книжно-литературного творчества.

72. К а й е в А. А. Русская литература, ч. 1. Учпедгиз, М., 1949, 502 стр.

Стр. 293—294: Не только классовое, но и общерусское значение образа молодца в Повести о Горе-Злочастии. Молодец — типичный герой переходной эпохи, отображающей конфликт между отцами и детьми Торжество старого мировоззрения над новым в памятнике. Двойственность художественных особенностей в Повести: сходство с книжной житийной литературой и с устным народным творчеством.

73. Setschkareff Vsevolod. Geschichte der russischen Literatur im Überblick. Bonn, 1949, стр. 50—51.

Характеристика древнерусских семейно-бытовых повестей (о Карпе Сугулове, Фроле Скобееве, Савве Грудцыне и Повести о Горе-Злочастии) как следствия подражания западным романам, бытовавшим на Руси.

74. Mazon André. Горе Злочастие. Malheur-Mauvais Destin. — Revue des Etudes Slaves, Paris, 1951, t. 28, стр. 17—42.

Деление Повести о Горе-Злочастии на 3 части. Изложение содержания памятника По форме он напоминает былинку, песнопение, сказку. Изложение взглядов Буслаева: неудачное сравнение Повести с немецким стихотворением В. Гартенера Повесть о Горе-Злочастии в связи с евангельской притчей о блудном сыне. Генетическое восхождение Повести к этой притче. Сравнение памятника с «Комедией притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого. Повесть как морально-религиозное произведение. Характеристика Гора: образ заимствован из народной традиции. Влияние Повести на фольклор.

75. Д а в ы д о в а М. К. Лексика Повести о Горе-Злочастии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, 18 стр. (Институт языкознания АН СССР).

Общие замечания о характере словарного состава Повести о Горе-Злочастии: основу словарного состава составляет общеупотребительная лексика, нейтральная стилистически. 1) В Повести исключительно широко представлена лексика, связанная с жизнью и деятельностью человека: анализ слов, характеризующих изменения в словарном составе; 2) слой церковно-книжной лексики в памятнике незначителен; книжная по употреблению лексика выражает в большинстве абстрактные понятия, связанные с состоянием и поведением человека; 3) просторечно-диалектная лексика в Повести незначительна. Постоянные эпитеты в Повести. Аналогичность функций синонимических сочетаний в этом памятнике и в устной народной поэзии. Синонимия в Повести как в известной мере композиционный стержень, организующий все содержание повествования.

76. Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков.

Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 446, 459—462 (автор — В. П. Адрианова-Перетц).

Сближение стиля Повести о Горе-Злочاستии с устной пословицей. Отражение в этом произведении народных песен о горе. Сравнение Повести с этими песнями.

77. Лапицкий И. П. Послесловие. — В кн.: Русская повесть XVII века. М., 1954, стр. 307—326.

О Повести о Горе-Злочастии на стр. 312, 319, 320, 323, 325.

78. Скрипиль М. О. Повесть о Горе-Злочастии. — В кн.: Русская повесть XVII века. М., 1954, стр. 400—417.

Рассмотрение основной темы Повести как темы взаимоотношений двух поколений. Двойственность в отношении автора памятника к молодому поколению. Первые исследователи Повести о ее жанровой природе. Сходство этого произведения с былинами и с народными лирическими песнями.

79. Harkins W. S. Russian folk ballads and the Tale of misery and ill fortune. — American Slavic and East European review, Philadelphia, 1954, Oct., v. 13, № 3, стр. 402—413.

Повесть о Горе-Злочастии — памятник единственный в своем роде, как и «Слово о полку Игореве». Изложение содержания. Сравнение Повести с былинами и лирическими песнями. Характеристика образа молодца: причина слабости его характера — пьянство и разврат. Уход молодца в монастырь — влияние письменной литературы на Повесть. Изложение стилистического анализа В. Ф. Ржиги. Вывод: Повесть о Горе-Злочастии — произведение эпико-лирическое.

80. Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, 192 стр.

Стр. 86—87: Библиография Повести о Горе-Злочастии.

III. Сказочный, былинный и песенный материал как комментарий к мотивам Повести о Горе-Злочастии

81. Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 127—133.

Приведение в качестве параллелей к Повести двух духовных стихов.

82. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1. М., 1861, стр. 469—485.

№ 83 — «Горе», № 84 — «О Горюшке», № 85 — «О горюшке и добром молодце», № 86 — «О горюшке сером и упаве молодце».

83. Бережков М. Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1895, стр. 22—23 (оттиск из «Известий Нежинского историко-филологического института»).

Песня о Горе.

84. Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, №№ 438—448, стр. 514—537.

Одннадцать песен о Горе. Содержание песен: Горе преследует молодца (№№ 438—441), девицу (№№ 442—445 и 447—448); характеристика Гора (№ 446).

85. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, т. II. Изд. 3-е, М., 1897, №№ 171, 172, стр. 233—237.

Две сказки. № 171 — «Горе»; № 172 — «Две доли». В примечании. содержание «Сказки о двух сумках», рассказа из «Современника» 1856 г., № XII, сербской сказки «Усуд», украинского рассказа «Людська доля»

86. Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1 СПб., 1898, №№ 797—800, стр. 209—210

Несколько русских и белорусских песен о Горе

87. Ладыженский В. И. О книгах и сочинителях, вып. 1. М., 1899, стр. 61—62

Русские песни о Горе

88. Марков А. В. Беломорские былины М., 1901, № 26, стр. 158—159.

Песня о Горе.

89. Сборник Кириши Данилова под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, стр. 162, 169—170.

Стр. 162: песня «Ох в горе жить некручинну быть». Стр. 169—170. «Голубиная книга сорока пядень» — начало ее, описывающее сотворение мира богом и грех Адама и Евы, сходное с началом Повести о Горе-Злочасти

То же. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1938, стр. 259—260, 273—274.

90. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. III. СПб., 1910, № 356 — стр. 291—292, № 406 — стр. 555—556.

Два варианта песни о Горе «Непослушливый молодец» как песенный комментарий к мотивам Повести о Горе-Злочасти

91. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, т. II. Изд. 3-е, М.—Л., 1938, № 90 — стр. 140—146, № 177 — стр. 585—586

Два варианта былины о Горе и добром молодце

- То же. Изд. 4-е, 1950, № 90 — стр. 159—166, № 177 — стр. 668—669.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адрианова-Перетц В. П. 62, 68, 76
 Архангельский А. С. 46
 Афанасьев А. Н. 23, 41, 85
 Бархударов С. Г. 15
 Бейдеман М. 67
 Белецкий А. И. 51
 Бережков М. 83
 Буслав Ф. И. 4, 13, 18, 20—22, 41, 46, 54, 58, 61
 Варенцов В. 81
 Васильев М. К. 32
 Веселовский А. Н. 28, 30, 31
 Виноградов Г. 59
 Водовозов В. И. 25, 26
 Воробьев В. П. 70
 Галахов А. 30
 Гильфердинг А. Ф. 91
 Глазунов И. 7
 Григорьев А. Д. 90
 Гудзий Н. К. 14, 60

Давыдова М. К. 75
 Данилов Кириша 21, 89
 Десницкий В. А. 64
 Дорошкевич А. К. 50
 Дунаев Б. И. 12
 Евстафьев П. В. 29
 Забелин И. Е. 24
 Иванов П. В. 33
 Кайев А. А. 72
 Корш Ф. Е. 11, 43, 58
 Костомаров Н. И. 2, 3, 17, 18, 20, 41, 46
 Кузьмина В. Д. 61
 Кушелев-Безбородко Г. 3, 18
 Ладыженский В. И. 87
 Лапидский И. П. 77
 Лихачев Д. С. 71
 Луговский Б. 57
 Львов А. С. 65
 Майданов Д. Т. 53

Малышев В И 63, 69	Ржига В Ф 58, 61 79
Марисова Л И 67	Розанов С П 10
Марков А В 47, 88	Рыбников П Н 46, 82
Марков Н 8, 34, 58	Симони П К 9, 11, 38, 43, 59
Миллер В Ф 35	Сиповский В В 10, 39, 52
Назаревский А А 12, 80	Скрипиль М О 16, 64 78
Обнорский С П 15	Соболевский А И 13, 54, 84
Орлов А С 66	Сонни А И 41
Охотский Б 49	Срезневский И И 1
Перетц В Н 56, 57	Сумцов Н Ф 32, 48
Петров Н И 27	Цветков А 6
Петухов Е В 45	Шамбинаго С К 89
Пиксанов Н К 55	Шейн П В 86
Покровская В Ф 62	Шеффер П Н 89
Полевой П Н 37	Harkins W S 79
Потебня А А 22, 41	Mazon A 74
Преображенский В С 44	Setschkareff V 73
Пыпин А Н 19, 36, 40	